

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Рассказ

«Раз, два... и птицы»

Событийный проект № 5 «Крылья доброты»

Рассказ «Раз, два... и птицы»

По дорожкам парка скользит ноябрьский ветер. Неспешной походкой он шуршит по опавшим листьям цвета переспелой сливы. Вдруг сворачивает с аллеи, ныряет между деревьями, цепляется за ветки и взгромождается на одну из них, прямо рядом с синицей. И давай насвистывать вместе с ней в унисон, как озорной мальчишка. Да так разошёлся, что с ближайших деревьев слетели последние листья.

Наперегонки с ветром по парку бежит Эркин. Как ярко-красный мячик, он скачет по дорожкам. «Ещё десять метров – и новый рекорд», – проносится в голове, пока он поглядывает на цифры браслета здоровья. Вон тоненькая берёзка – финишная черта уже близко.

– Сто метров за пятнадцать секунд! – победно восклицает раскрасневшийся мальчик. – Матвей, видал? Матвей?

Он крутит головой. Друг, ещё минуту назад стоявший у линии старта – куста в форме большого ежа, – куда-то запропастился. Тут Эркин приметил фиолетовый помпон, торчащий из-за куста-ежа – это Матвей сидит на корточках и зачем-то тянет руку вперёд.

– Попался! – выскакивает Эркин.

Матвей быстро моргает, оборачиваясь:

– Спугнул... тут белка была.

– А я и не заметил, – смущённо говорит Эркин, но тут же оживает: – Пойдём, я кое-что покажу! – и уже несётся по аллее вглубь парка.

Матвею остаётся только поспевать за ним.

Вскоре друзья оказываются у небольшого прямоугольного пруда. Вдоль пруда покачиваются деревья, они будто перешёптываются, кивая друг другу: «Да-да, скоро пойдёт снег. Нам ветер нашептал».

По холодному зеркалу воды плавно скользят утки – штук шесть, не больше.

– Как тут красиво и спокойно, – говорит Матвей, отпыхиваясь. – Вот бы уток угостить.

– А это мы на раз-два! – тараторит Эркин, шаря в карманах. Он, кажется, совсем не устал от бега и готов был бежать ещё долго-долго. – Я для того тебя и привёл. Всё с собой есть!

Эркин выуживает из кармана куртки свёрток с хлебными крошками. Он уже был готов широким взмахом кинуть большую горсть в воду, но Матвей уверенным жёстком останавливает его:

– Нет, им нельзя. У них животы заболят.

Эркин вздёргивает брови:

– Как это? Я всё лето их так кормил! Им о-очень нравилось.

– Птиц нельзя кормить всем подряд. От хлеба они не станут сытыми. Он у них только в животе разбухнет – и им будет тяжело двигаться, – объясняет Матвей, и, видя непонимание на лице Эркина, добавляет: – Представь, что ты целый день ешь одни булочки. Ты тогда сможешь много бегать и играть?

– Не смогу... – сникает Эркин. – И что теперь? Совсем уток не кормить?

Матвей приободряет друга:

– Можно и даже нужно! Зимой особенно надо подкармливать всех птиц, чтобы помочь им пережить холода. Они для этого в города и прилетают. Только кормить не всем подряд, а специальными кормами: зёрнами, семечками, несолёным салом. Я даже кормушку начал делать. Хотел повесить где-нибудь... Но пока не очень получается.

– Матвей, ну ты голова! – Эркин загорается мгновенно. – Это мы с тобой на раз-два организуем!

В его голове уже рисуется идеальная кормушка: маленький синий домик, окошки, крыша треугольничком и даже крошечный диванчик для птиц внутри.

– Что? – переспрашивает Матвей, поправляя под шапкой слуховой аппарат, который помогал ему лучше слышать.

Эркин чуть тише, глядя другу в лицо (так они договаривались), повторяет:

– Зови в гости. Вместе сделаем.

В прихожей дома Матвея их встречает Бублик – пёс Матвея, похожий на большой пушистый шарик. Он тычется носом в колени Эркина, и тот, не удержавшись, треплет четырёхлапого за ухом.

В комнате у Матвея, как всегда, аккуратно. На столе стоит клетка с хомяком Моторчиком (его так прозвали за любовь быстро бегать в колесе). Он всю перебирает лапками, словно разминается перед марафоном. А рядом с клеткой – начатая кормушка. Квадратное основание из старой полки, из него торчат четыре покосившиеся палки – будущие опоры для крыши. Вокруг лежат ещё какие-то деревяшки, молоток, гвозди.

Пока Матвей моет руки, Эркин уже закатал рукава кофты и засел за столом. В его голове бурлили мысли: «О, сейчас мы это быстро поправим. Палки-то криво стоят. Сейчас-сейчас...», – он хватается молоток, прилаживает гвоздь – и... бах!

На грохот прибегает Матвей.

– Что случилось?

Он смотрит на стол: все четыре палки, которые он с таким трудом закреплял, свалились в одну кучку.

– Матюша, спокойствие, – пыхтит Эркин, уже подбирая палки. – Сейчас всё быстро починим. На раз-два!

– Стоп! – Матвей подходит и аккуратно, но решительно забирает молоток. – Эркин, нельзя всё делать наскоком, наспех. Ничего, что ты сломал, она всё равно была неправильная. Я не учёл размер: синичка залезет и застрянет. И ещё надо узнать, какой корм куда класть... Давай сначала всё изучим.

Эркин хмурится.

– Зачем копать? Птицам же холодно! Им сейчас нужна кормушка, а не через неделю.

Он уже готов надуться и уйти. «Вот связался. Хотел как лучше, а теперь сиди и читай книжки, – мысленно закипал Эркин. – А я уже к обеду хотел повесить кормушку и ещё успеть в футбол погонять...»

Но тут Матвей тихо, почти шёпотом говорит:

– Если мы сделаем неправильно, то не поможем, а навредим.

Эркин замечает, как пальцы друга дрожат, перебирая деревяшки. И что-то в груди у него – ёк.

– Ладно, – вздыхает он, смягчившись. – Давай читать. Но быстро!

ОСТАНОВКА ЧТЕНИЯ

Дома у Матвея кипит работа: вместе с Эркином они изучают, как правильно помочь зимующим птицам. Матвей листает книги, рассматривая разные инструкции по сборке кормушек, а его друг в интернете читает про заготовки корма.

Выясняется много важного: синицам нужно несолёное сало (соль для них – яд), воробьям и снегирям – нежареные семечки подсолнуха. А кормушка должна быть такой, чтобы влезали только маленькие птицы, но не вороны и голуби – иначе они сами слопают все лакомства.

– Вот это да... – бормочет Эркин. – А я думал, хлеб – самое лучшее угощение для всех.

– Многие так думают, – кивает Матвей. – Но, если никто не объяснит, откуда люди узнают?

Эркин задумывается, потом вскакивает:

– Семечки! У нас дома есть семечки. Я быстро!

И – топ-топ-топ – вылетает за дверь. Через полчаса он возвращается запыхавшийся, с здоровенным пакетом семечек. На пороге спотыкается о Бублика – пакет выскальзывает, семечки с шорохом рассыпаются по всему коридору.

– Ой...

– Ой, – эхом отзывается Матвей.

Они смотрят на жёлто-полосатый ковёр из семечек, а Бублик уже радостно принюхивается.

– Бублик, ты же не птица, – строго говорит Матвей, оттесняя пса.
– Сейчас всё соберём.

Матвей включил пылесос. Вжи-и-и-их – одна горсть. Вжи-и-и-их – вторая.

– Ты прям как Моторчик в колесе, – посмеивается Эркин, наблюдая за быстрым кружением друга по коридору.

После друзья берутся за кормушки и теперь действуют по правилам: сначала измеряют, потом отпиливают, затем скрепляют. Матвей командует тихо и рассудительно. Эркин слушается – почти. Он слишком сильно нажимает рубанком, и кусок доски с глухим стуком отлетает в угол. Эркин застывает и тут вдруг – впервые в жизни – не пытается починить всё сам. Он поднимает обломок, подходит к Матвею и говорит:

– Слушай... я опять. Научи меня, как правильно, а?

Матвей ответил с ласковой улыбкой:

– Давай. Смотри, тут главное – не спешить. Держи вот так...

Матвей недавно научился у своего дедушки работать с инструментами, и теперь сам учит друга плавно вести рубанок – стружка сворачивается в кудрявый завиток и падает на пол. Эркин старательно повторяет за другом и с удивлением замечает, что такая вдумчивая работа ему даже нравится.

К вечеру у них готовы две кормушки. Первая – Матвея. Аккуратная, с покатой крышей и ровными бортиками. Вторая – Эркина. Чуть кривоватая, без окошка, но с маленьким диванчиком из спичечного коробка, обёрнутого в платок. «Вдруг какая-то птичка-малышка захочет отдохнуть», – подумал Эркин, а Матвей не стал его отговаривать.

Сделав заготовки корма, мальчики отправляются в парк.

– Ну что, – говорит Эркин. – Вешаем? На раз-два... – начал было он, но, подумав, продолжает, – три-четыре.

Эркин прилаживает свою кормушку на крепкий сук. Кривовато, зато надёжно. Матвей вешает свою кормушку на соседней берёзе – аккуратно ровняет, чтобы её не перекашивало. Мальчики, засыпав угощение в обе кормушки, идут к пруду.

Утки уже собрались у бетонного края в ожидании.

– Теперь правильно, – командует Матвей и достаёт мешочек со специальным кормом из зоомагазина.

Эркин берёт горсть, замахивается – и останавливается.

– Погоди. А так тоже навредим? Если кинуть много?

– Лучше понемногу, – советует Матвей. – И не в воду, а на бережок.

Они аккуратно высыпают зёрна на отмель. Утки сначала недоверчиво косятся, потом одна выходит на берег, клюёт – и начинает довольно кричать. Остальные подтягиваются.

– Ну вот, – говорит Эркин, отходя от пруда. – Теперь счастливые.

Когда друзья шли обратно, начали падать редкие снежинки – первые в этом году. Они ложатся на плечи мальчишкам, на тёмную воду пруда, на крыши двух кормушек. Одинокая синица садится на ветку рядом с кормушкой Эркина. Наклоняет голову, смотрит на диванчик, потом прыгает внутрь, клюёт семечку – и начинает чирикать, как будто смеётся.

– Видишь? Оценила, – шепчет Эркин.

Снег падает всё гуще, и становится тихо-тихо. Эркин смотрит на браслет здоровья: пульс спокойный, ровный. Уже подходя к дому, ему подумалось: «Следующую кормушку сделаю в форме мячика. Для снегирей-спортсменов».